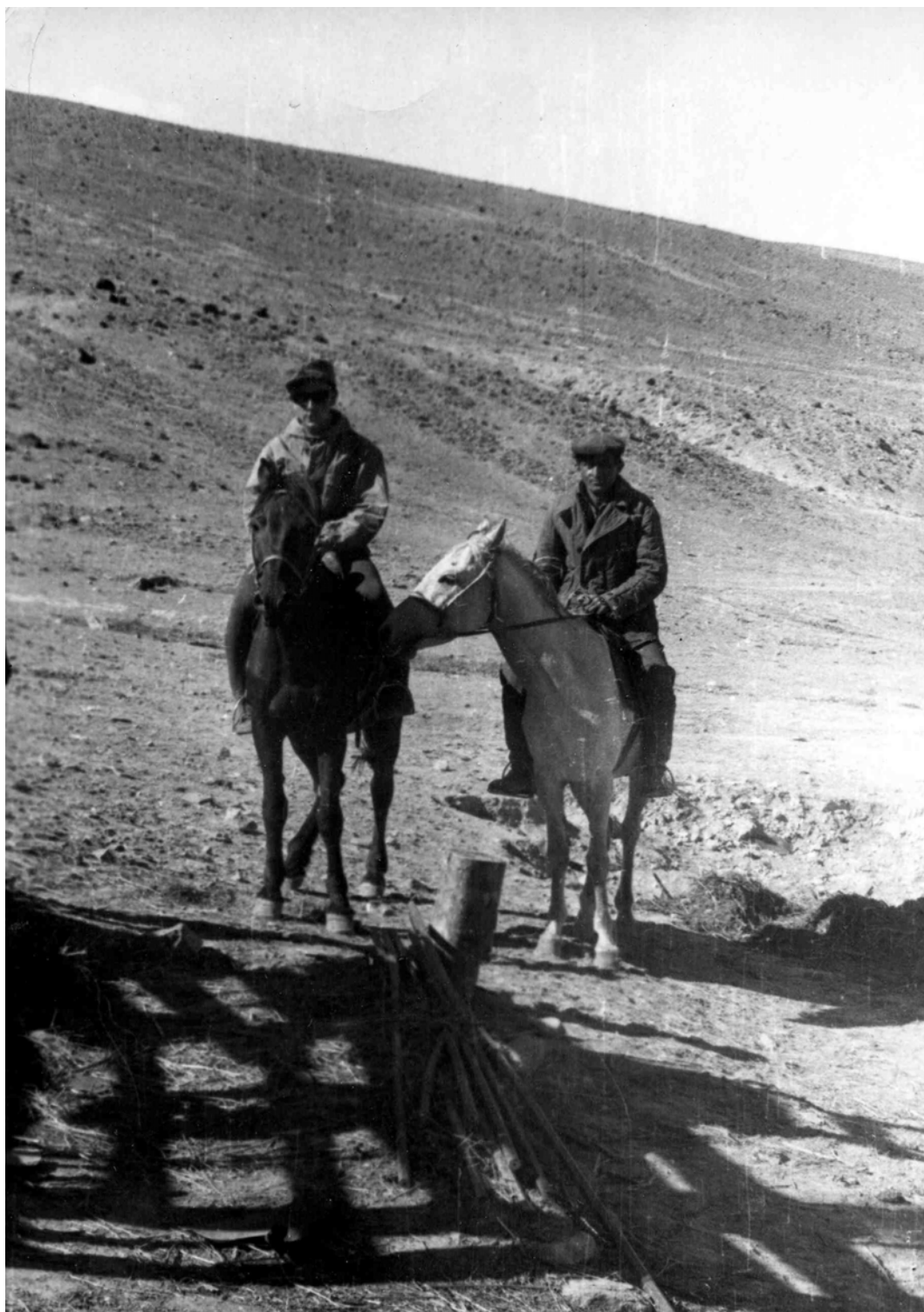

НА КОНЕ

В камеральный день я напросился сопровождать рабочего в поездку за табуном экспедиционных коней. Последний раз мне доводилось ездить верхом только в шесть лет. Когда рабочий поинтересовался, умею ли я управлять конем, то пришлось сделать вид, что спрашивать об этом опытного геологического волка, по крайней мере, бестактно. В поездку я взял с собой малокалиберный карабин, нож, фотоаппарат, бинокль, кожаную полевую сумку, трубку с табаком и чувствовал себя Пржевальским.

Табун пасся на лугах в верховьях ручья, там, где широкая ледниковая долина заканчивалась грандиозным горным цирком. Снежные языки, чудом державшиеся на крутых склонах, готовы были в любую минуту ринуться вниз, с неукротимой силой разрушая горные породы, образовавшиеся десятки миллионов лет тому назад. Почему-то очень хотелось побывать около подножия цирка. Часто в маршрутах, лежа на краю обрыва, я заморожено смотрел вниз в километровую пропасть на крошево камней и льда.

Мне достался красивый черный конь по кличке Цыган, злой, строптивый и хитрый до невозможности. Когда я ставил левую ногу в стремя, чтобы сесть на него, конь начинал заваливаться на левый бок, так что приходилось отскакивать, чтобы не быть придавленным крупом упавшего коня. Но Цыган падать не собирался. А когда я заходил с другой стороны, он валился на другой бок. С помощью рабочего все же удалось забраться на коня, и мы двинулись в путь. Тут я сразу понял, что скакать в жестком киргизском седле в тонких спортивных брюках также удобно, как галопировать верхом на бревне! Но раз сам напросился, надо терпеть. Это была не прогулка верхом, а самая настоящая пытка. Управление конем заключалось в том, что я пресекал его попытки укусить меня за ногу или сбросить с седла. Цыган резко останавливался, взбрыкивал задними ногами, поворачивал голову и скалил зубы, но я вовремя отдергивал ногу и натягивал уздечку. При каждом таком взбрыкивании тяжелый фотоаппарат подлетал и сильно ударял меня вбок, а бинокль по груди.

Цыгану никак не хотелось везти меня вверх по ручью, и можно было его понять. Конечно, мало радости подниматься в гору, да еще когда у тебя на загривке сидит какой-то хмырь с ружьем в руке и стегает по задку плеткой, чтобы ты бежал.

Но себя тоже было жалко. Я всего лишь хотел прокатиться верхом, увидеть красивые места и уларов. Эти горные индейки имели удивительную защитную окраску. Обнаружить их можно было, только когда они двигались. А если птица замирала на месте, то на секунду отведя глаза, уже невозможно было различить ее среди камней.

Улары обычно забираются вверх по склону и бросаются с обрыва. Летящих птиц совершенно не видно на фоне скал. На большой скорости, планируя вдоль склона, они дружно и громко кричат:

«Уль... уль... уль... уль...»

Горное эхо многократно повторяет этот звук и кажется, что птицы как невидимые призраки налетают со всех сторон.

Рабочий поведал мне страшную легенду о том, что раньше, когда на Памире свирепствовала оспа, люди, которые ели мясо улара, не заболевали. На таких людей нападали другие люди, еще не заболевшие оспой, и пили их кровь, чтобы уберечь себя от заразы.

Моим намерениям увидеть уларов хотя бы с помощью бинокля не суждено было сбыться. Все внимание уходило на войну с черным дьяволом, который поставил себе ближайшей задачей сбросить на землю седока. Два раза коню удалось развернуться и проскакать несколько десятков метров назад к лагерю, но рабочий быстро догонял нас, останавливал и яростно стегал Цыгана плеткой. Конь при этом делал несколько судорожных скачков, от которых я подлетал вверх почти на метр, и только чудо помогало мне удержаться в жестком седле. С невероятным трудом я выдержал целый час такой прогулки, и лишь гордость не давала плюнуть на все и вернуться в лагерь пешком.

Наконец мы достигли верховьев сая. Заснеженные горы полукольцом окружали серую, заваленную обломками скал поверхность ледника. Из-под арки изумрудного ледового грота вытекал ручей. Около него на лужайке, украшенной желтыми цветками эдельвейсов, два удода выясняли отношения. Изящные птицы с гребнями из разноцветных перьев на голове перебирали тонкими ножками и скрещивали длинные клювы.

Ветра не было, и горы застыли в величавом покое. На зеленом поле ниже ледника паслись кони. Мы погнали лошадей вниз. И тут Цыгану захотелось возглавить табун и скакать галопом впереди всех. Меня это решение вовсе не обрадовало. От взбрыкиваний коня фотоаппарат чуть не проломил мне левый бок, а бинокль дубасил по грудной клетке. Я что есть силы натягивал уздечку, пытаюсь остановить коня. Но Цыган не реагировал и, задрвав хвост, словно жеребенок, мчался вперед, не разбирая дороги. Рабочий скакал рядом, выкрикивая по-киргизски какие-то ценные советы, и стегал Цыгана плеткой по заду или меня по спине – как попадало. Мне от этого легче не становилось, но зато коню явно добавляло прыти.

Мы лихо проскакали километр до юрты пастуха, где моего дьявола удалось остановить. Хозяин увидел карабин и суетливо забегал, помогая мне спешиться. Оказалось, что стоять так же больно, как и сидеть в седле, а ходить можно только в раскорячку.

– Начальник! Заходи юрта, айран будем кушать, – пригласил хозяин.

Мне совсем не хотелось в гости, тем более что айран – кислое овечье молоко, мой организм принимал с большой неохотой. Но я так отбил себе ягодицы, что мечтал хоть несколько минут постоять на земле.

Пастух, величая меня начальником, с интересом разглядывал карабин. Я разрядил винтовку и дал ему посмотреть. Карабин действительно был замечательный. Киргиз восхищенно цокал языком.

– Продай карабин! – неожиданно предложил хозяин.

– Не могу, оружие казенное.

Но такие доводы не действовали на пастуха, и он загорелся выторговать карабин.

– Пошли в гости юрта, водка есть!

– Нет, я водку не пью.

– Почему не пьешь? – забеспокоился пастух. – Какой начальник водка не пьет?

– Запаха водки не выношу, а дурости в голове и без нее хватает, – пошутил я.

Но пастух юмора не понял и настойчиво приглашал в юрту.

– Пошли Анатолий, – пристал ко мне рабочий, который явно рассчитывал на дармовую водку, – не надолго. Хозяина обидишь, нехорошо!

Мы зашли в юрту и пастух с рабочим, подвернув ноги, уселись на кошме. Сидеть в такой позе мне и здоровому удавалось не больше минуты.

– Спасибо, я постою.

Но рабочий настоял. Превозмогая боль, я хотел сесть, поджав ноги, и тут же, как сноп, завалился на бок.

В юрту вошла женщина с чайником в руках. В этот момент я уже поднялся на четвереньки, делая судорожные попытки встать. Пастух что-то сказал хозяйке, и она подала мне две подушки, набитые овечьей шерстью. Лежать на подушках было удобно. Боль в ногах немного утихла.

– Хозяин предлагает за карабин двух баранов, – рабочий щедро налил водку в свою пиалу.

Пастух с нежностью дотронулся до карабина, лежащего около меня.

– Не могу, карабин моего начальника, – ответил я, с ужасом наблюдая, как хозяйка вытерла подолом большую пиалу и доверху наполнила ее айраном. Мои подозрения оправдались, двухлитровая пиала назначалась именно мне.

– Спасибо, не хочу! – замахал я руками.

– Пей! – настаивал рабочий. – Хозяев обидишь, нехорошо!

Я поднес пиалу к губам, сделал несколько глотков и почувствовал, что больше не могу. Хозяин азартно торговался, понемногу набавляя цену.

– Нет! – как можно тверже ответил я, и сделал еще одну попытку отказаться от айрана.

– Надо пить, – рабочий снова щедро налил себе водки, – хозяев обижаешь!

Я решил разом избавиться от айрана, закрыл глаза и залпом выпил все до дна.

Рассматривая карабин, пастух заметил компактный патронташ на семь патронов. Я сделал его из кожаного ремешка от часов и застегивал вокруг пистолетной шейки приклада. Во время стрельбы патроны всегда находились под рукой и можно было быстро перезарядить карабин. Хозяин заинтересовался, много ли у меня осталось таких черных малокалиберных патронов, и предложил за пачку четверть барана.

– Не могу, сказал же! – я окончательно разозлился.

Выпитый айран бурлил во мне как грязевой вулкан. Я прилагал титанические усилия, чтобы сдержать отрыжку.

Азарт торговли нарастал. Живот пучило так, что, казалось, меня сейчас разорвет на куски прямо в юрте.

– Все, больше не могу, едем! – я хотел решительно встать, но чуть не упал.

Рабочий ни за что не хотел уходить от дармовой водки. Хозяин приставал со своими баранами. Живот распирало и внутри, как в болоте, что-то противно булькало.

Опираясь на карабин, я все-таки встал и с трудом вышел из юрты. Хозяин не оставил надежды заполучить карабин или патроны и выюном крутился возле меня.

Взбесившийся айран на какое-то время перекрыл все другие ощущения и я, плохо соображая, с помощью пастуха и рабочего зачем-то снова влез на своего коня. Поблагодарив хозяина за гостеприимство, я подарил ему десяток черных патронов.

Вдруг Цыган без всякого предупреждения сорвался с места и помчался вслед за табуном. Резвость его за это время утроилась. Зачем его тянуло к табуну, непонятно. Там были одни кони. Наверное, хотел сквитаться с кем-нибудь из корешей.

Я вовремя не подобрал поводья, и хитрый Цыган преподнес мне еще один сюрприз. Обычно удила находятся у лошадей за коренными зубами и при натягивании уздечки надавливают на углы губ, заставляя животное поворачивать. Почувствовав никудышного седока и слабину поводьев, Цыган языком подал удила вперед и захватил их коренными зубами. Уздечка стала совершенно бесполезной, а конь не управляемым. Так я на практике узнал, что такое «закусить удила».

Цыган получил свободу и немедленно поскакал галопом. Я чудом удерживался в седле, мертвой хваткой вцепившись в жесткую гриву. Тело мое как на американском родео, высоко подлетало вверх. Никак не удавалось привстать на стременах, чтобы амортизировать удары. Айран в

желудке только этого и ждал и при встряхивании сразу перешел в стадию бурного кипения. Руки от гривы было не оторвать, и я собрался перегрызть зубами ремешок фотоаппарата.

В перспективе мне светили три варианта развития событий: или я сверну шею, на полном скаку грохнувшись на камни, или взбесившийся айран разорвет меня на куски, или фотоаппарат пробьет бок, и я умру от потери крови.

Неожиданно быстро мы доскакали до лагеря, даже пьяный рабочий не успел догнать меня на своем коне. Собрав остатки сил, я на несколько мгновений сделал мужественное лицо настоящего джигита. Как вихрь, я пронесся через волейбольную площадку, на которой азартно играли рабочие, и, сорвав сетку, умчался прочь. Конь, по-видимому, плюнул на табун и решил скакать дальше, пока есть охота. Наступил критический момент. Стало ясно, что больше минуты в этом чертовом седле мне не удержаться. Но руки ни за что не желали отпускать гриву, и я проскакал вниз еще километра два.

На мое счастье техник-геолог Назар, таджик и настоящий джигит, быстро сообразил, в чем дело. Накинув уздечку на подвернувшегося под руку коня, он помчался за мной вслед. Джигит нагнал меня, когда я в отчаянии решился перегрызть зубами конскую шею, но сильно мешала грива. Назар схватил Цыгана за узду и остановил нас на полном скаку.

Бесформенной массой, словно головоногий осьминог, я сполз на траву. Мне было даже не интересно, сколько целых костей осталось в нижней части моего тела. Когда мягкая прохладная трава коснулась разгоряченного лица, я понял, наконец, что такое настоящее блаженство. Прав был Шопенгауэр, блаженство это отсутствие страдания.

Назар отстегал Цыгана камчой и подвел его ко мне.

– Садись, поехали в лагерь. – Назар осадил коня, сделавшего попытку встать на дыбы, – не бойся, он теперь смирный.

– Спасибо, мне и так хорошо, – я почувствовал, как возвращается боль и кислые газы опять подступают к горлу, – сегодня я уже накатался!

– Хочешь, подожду тебя? – Назар помог мне встать на ноги.

– Нет, поезжай домой, все хорошо. Дойду пешком.

Назар уехал. Еще четверть часа я пролежал на траве, ожидая, когда айран немного успокоится. На пути к дому обнаружилось, что я могу передвигаться, только широко расставив ноги.

Когда до лагеря оставалось совсем немного, солнце зашло за горы и надвинулись короткие южные сумерки. Надо было дожидаться темноты и незаметно пробраться к себе в палатку. Не стоило пугать людей такой бравой походкой и громкой отрыжкой.

Я прилег на еще теплые камни. На небе, остывающем от дневной жары, загорелись первые необычайно близкие звезды, казалось, потянешь и достанешь их рукой. В палатках зажгли керосиновые лампы, и они уютно и таинственно засветились на фоне изломанной линии горных хребтов. Неприступные гордые пики величественно застыли в космической тишине. Закат догорел, но сияние Млечного пути хорошо освещало высокогорную долину.

«Так было, и так будет тысячи и миллионы лет, – подумалось мне. – Будут войны и счастье, радость и слезы, любовь и горе. Родятся и умрут многие миллиарды людей, исчезнут города и народы, высохнут реки и моря, родятся новые океаны. Но за это время лишь немного повернется наша галактика. И тогда горы станут чуточку ниже, сгладятся вершины и

расширятся долины. Но все также, когда горячее солнце закатится за хребет, в черном небе во всю длину протянется Млечный путь. В космической тишине кто-то другой, далекий и незнакомый, такой же, как я молодой и глупый, и от этого безмерно счастливый, будет сидеть на остывающих камнях, пялиться на звезды и вздыхать с томлением в груди. Но меня уже не будет, и забудут даже мое имя».

От таких мыслей стало печально и холодно. Вдруг сзади блеснули фары – снизу в лагерь шла какая-то машина. Чтобы не оказаться застигнутым на дороге, я быстро заковылял домой.

В палатке никого не было. Я зажег керосиновую лампу и растянулся на спальнике. Болело уже почему-то все тело и снаружи и внутри. Живот опять стало пучить.

В лагерь, завывая на пониженной передаче, въехала машина. Яркий свет фар потух, уставший двигатель замолчал. Было слышно, как громко разговаривали и смеялись приехавшие. Вскоре в палатку заглянул Аверьянов.

– Анатолий, вставай, пошли в столовую. Главный геолог Памирской экспедиции к нам приехал. Ему рассказали, что ты хорошо исполняешь песни о горах.

– Может вам еще и сплясать? – я едва сдержал отрывку. – В данный момент «про горы» мне вспоминается лишь одна песня:

«А горы стоят неприступной стеной,
Других дураков поджидая!»

– Ты что, заболел?

– У пастуха в юрте выпил два литра айрана, а потом на вашем любимом Цыгане галопом шесть километров проскакал. Живот пучит так, что того и гляди разорвет.

– Ерунда, сейчас вылечим. А ты готовься, подбери репертуар.

Аверьянов ушел. Быстро появился Ленька с банкой раствора марганцовки.

– Выпей, – Ленька протянул мне банку с розовой жидкостью, – а потом два пальца в рот – и порядок!

– Не могу на жидкость смотреть, а тем более пить.

– Делай, что говорят, там уже все собрались.

– Не могу.

– Пей, Анатолий, людей обижаешь. Нехорошо! – Леха выразился точно как рабочий в юрте у пастуха.

– Какие все обидчивые! А я должен пить всякую гадость и портить свое здоровье?

– Пей, тебе же будет лучше.

Делать было нечего. Я закрыл глаза и залпом осушил литровую банку. Но мой желудок оказался не так прост, как мы рассчитывали, и не желал отдавать назад ни айран, ни марганцовку, сколько я его к этому не принуждал.

– Ничего, – усмехнулся Леха, – зато марганцовка слабит мягко, не прерывая сна. Ладно, вот таблетки, прими и отдохни пять минут.

Таблетки вроде бы помогли. Боль утихла, и я даже задремал, лежа на спальнике. Тут снова пришел Аверьянов.

– Как дела, джигит? – усмехнулся он, делая ударение на последнем слове. Видно ему уже рассказали, как я лихо промчался на Цыгане по лагерю. – Готов?

– Готов, – ответил я, – позовите Ника, попрощаться хочу.

– Пошли, – Аверьянов дернул меня за ногу, – и обязательно произнеси какой-нибудь тост геологический, хорошо? Что тебе стоит, ты же их как блины печешь. Вставай, заждались все.

– Вы что, не видите в каком амебообразном состоянии я нахожусь? Я сейчас годен только на то, чтобы мной вытирали полы или замазывали щели, «чтоб червяки чего-нибудь не съели».

– Как там у Высоцкого: «...надо, Федя!», – уже серьезно сказал Аверьянов. – Вставай, пошли, перед гостями неудобно.

Обижать людей не хотелось и я, несмотря на полное отсутствие настроения, взял гитару и поплелся за Аверьяновым.

В шатровой палатке горели сразу четыре керосиновые лампы. Было светло и уютно. В углу, потрескивая, топилась железная печка. Стол был полон разнообразной закуски. В центре возвышался невиданных размеров арбуз.

Я поздоровался с гостями. Все сразу замолчали, вероятно, ожидая тоста. Аверьянов, наверное, им расписал про меня во всю.

Мне налили в кружку коньяк. Эта дурацкая марганцовка обожгла весь пищевод и впервые в жизни не хотелось ни пить, ни есть. От одного взгляда на спиртное тошнота подступила к горлу, как будто марганцовка намерилась все-таки выйти наружу и посмотреть, кто это тут собрался. Я твердо решил избавиться от пахучего коньяка, незаметно вылив содержимое кружки под стол.

– В первом классе учительница нам рассказывала, что любовь бывает разная. Есть любовь к родителям, любовь к учителям, любовь к товарищам и самая большая это любовь к труду. Так выпьем за эту самую большую любовь к труду, за любовь к геологии!

Народ бурно воспринял тост, все радостно зашумели и стоя выпили за Мать Геологию. Я поднес кружку к губам, но пить не стал. Но главный геолог это заметил, и мне пришлось выпить все до дна.

Собравшиеся закусили и сразу замолчали, ожидая следующего тоста. Видно Аверьянов им наплел, что из меня тосты сыпятся, как двухкопеечные монеты из неисправного телефона-автомата.

Я снова поднял кружку.

– В одну туристическую фирму позвонил секретарь Рокфеллера и сообщил, что его шеф хочет отдохнуть в маленьком бунгало на берегу океана.

«У нашей фирмы как раз имеется такое бунгало», – радостно ответил клерк.

«Господин Рокфеллер желает, чтобы на сто пятьдесят миль вокруг не было ни одного человека», – предупредил секретарь.

«Это будет стоить дорого, но если господин Рокфеллер платит – все будет, как он хочет!» – заверил клерк.

«И чтобы погода весь месяц была хорошая, а океан спокойный и синий!»

«Это будет стоить очень дорого, но мы обеспечим!»

«И еще господин Рокфеллер желает, чтобы температура воды в океане всегда была 23,5 градуса, как у него в бассейне, а на горизонте виднелось маленькое кучерявое белое облачко!»

«Это будет стоить безумно дорого, но если господин Рокфеллер платит, то все будет – о'кей!» – пообещал клерк.

Приехал Рокфеллер на отдых. Уютное маленькое бунгало приютилось на берегу синего спокойного океана, погода блеск; вокруг на

сто пятьдесят миль ни души; вода в океане 23,5 градуса, а на горизонте повисло белое кучерявое облачко.

«Бог мой! Как все просто, хорошо и красиво! – воскликнул Рокфеллер. – Вот она настоящая жизнь! И на кой черт мне сдались все эти миллиарды?»

Заржали все, даже те, кто слышал тост раньше.

– Так выпьем за Мать Геологию, которая позволяет нам любоваться красотами природы совершенно бесплатно, – закончил я.

Все дружно выпили. И, как ни странно, мне вдруг полегчало. Песни о горах требовали душевной атмосферы и лирической обстановки. Потушили лампы и зажгли свечи. В палатке сразу стало уютнее.

На Памире я имел счастье первым исполнять новые песни Владимира Высоцкого из кинофильма «Вертикаль». Фильм еще не вышел на экраны, а песни уже разлетелись по всей стране. Песня «Вершина» была маршевая, мужественная, словно знамя, зовущее в атаку. От нее сжимались кулаки, хотелось встать и немедленно идти к вершине.

«Нет алых роз и траурных лент,
И не похож на монумент,
Тот камень, что покой тебе подарил.
Как вечным огнем, сверкает днем
Вершина изумрудным льдом,
Которую ты так и не покорил».